

Солнечный свет затопляет город, идет по ступеням,
проникает в оконные стекла и переулки.
Но это - черный свет противосолнца,
и ничто здесь не видимо.

"Противосолнце":

это еще не освобождение.
Вначале все здесь могло быть воображенным сновом,
приведено обратным ходом
от клетчатого каменного следа города
в слепящий свет противосолнца,
от фантазии к ясности
приведено назад в слепящую жизнь противосолнца.
Состояние до своего воплощения.
Первоначальный дом прежде любого покрова
светящийся эмульсии туманностей перед рождением
проницаемой фигуры воображаемой реальности.
Свет, который кажется тьмой, но который - свет.
Тело, как почва, сейчас расцветающая, человек,
чернозем
для размышленья и зренья без глаз.

Когда вспышка, что должна быть, приходит,
вещество перестает что-то делать, но переводит дух -
и вторая жизнь становится первой.

Взгляд - одно, свет - другое.
И свет не нуждается во взгляде
с тех пор, как ничто, стоящее в свете,
не может быть схвачено светом.

Мир требует объяснений, но сам необъясним.

4.
Мы - наше умирание - чтобы вслушиваться,
напрягающее лук-дугу-радугу в снах, как мы можем,
восторгающиеся вершинами,
шприц, введенный в руку,
чтобы убедить нас: все
наши формы были только мясом.

Моя плоть - энергия фигуры,
тоннель связанных вещей,
что умоляет идти дальше.
Каждое ее отверстие можно представить
ящиком для гвоздей,
их ушки как места для иголок.
Здесь, сейчас стих не внушает
превращений,
напоминающих стрелу или песню
к трепещущему дневному свету,
из которого это возшло,
но несколько не вырастает,
египетские скульптуры, греческие скульптуры,
отсутствующие конечности некоторых из них,
неспособные вызвать даже легчайшую дрожь
в области чувствующего,
что только что трепетало.

В натиске новых разрушений
неизмеримой тишины
это не может быть: это есть.
Яма и картина ямы.
И над этим - тело.
Здесь первый мир
проглатывает второй.

Знание смертности
уступает силе более,
чем фантазии света.
Только яростными икс-лучами наших расплат

можно в возбуждении и страхе
раздробить руку,
что зачумляет нас.

АЛЕКСАНДРИЯ (Alexandria)

Низина в болоте жизни пела свои яростные противоречия.
Фантастично, песня в лице бесформенности.
Все участвующие должны были заглушать свою суть,
Очищая себя от путаницы. Низина в болоте
Жизни пела от внутренней связи с кристаллическим небом,
От земли, на которой вода и земля да никогда не прейдут
И да не сделают богов из своих неудач, что она не смогла бы найти.

Днем, дикие травы, солнечный огонь, вытесняющей ночь,
Ночью, дикие камни, небесный каменный взгляд.
Не всегда все это было живым, поющим в бесформенности,
Пока все участвующие, каков бы ни был их вид,
подавлены тем, что были,
Становящиеся не более чем раскаленными пустотами,
Что могли быть взяты с другой планеты
Для райских гроздей.

СТИХ (Роем)

Дэвиду Шапиро

Свет подвесил меня в свете,
но это не то,
для чего я пришел.
Я хотел бы чего-то светлее.

Свет покрывает дворики бедных,
от поезда в Пизу свет купает
цветы в окнах бедных,
и они становятся ближе, но недостаточно.

Мысль приносящего свет к самым клеткам,
светящего в вещество
и говорящего да, да, это он,
я вижу его сейчас, свет,

Чувствуемый из самого источника,
где он на работе.
Ровнее светящий, чем ставшее весом жизни.

ФОРМА

Непосредственность разума,
хаос, выстроенный из камней;
фойе удивляющего сверкания.

И лимузин, оттягивающий от фамильярности.

Я принадлежал этому далекому парапету
и был его частью,
частью клетки огня на приборной доске лимузина.

Мгновение, движение,
нервы, не останавливающие риск,

чтобы привести в порядок хаос,
уже покидая удивление, что сверкает.

Перевод с английского Александра
Уланова